

Если представить, что у каждой книги есть цвет, то какой цвет может быть у книги про войну? Красный, черный, серый, коричневый, белый или зеленый, хаки, бронзовый, серебряный и даже золотой. Но повесть Астафьева «Пастух и пастушка» – сиреневая.

И название самое неподходящее – какой же это 1944 год, откуда здесь окопы, мины и замерзшие солдаты. «Пастух и пастушка» – так может называться пастораль, водевиль, фарфоровая статуэтка, все даже не сиреневое, а розовое, весеннее, здоровое.

В повести Астафьева дело происходит глухой зимой, а пастух и пастушка – убитые случайным снарядом старик и старуха, нелепые и страшные.

«Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха прятала лицо под мышку старику».

Так их видит главный герой, взводный Борис Костяев. Эти старики долго будут мерещиться ему, сниться и всплывать в воспоминаниях до тех пор, пока он сам не станем им равным.

Книга полна сновидений. Реальна только война, она подробна, полна точных деталей и резких укрупнений: немец, у которого вши даже в ресницах, пытается купить жизнь за дешевые часы; старшина Мохнаков, больной дурной болезнью, вырывает золотые зубы у мертвецов; породистый пес наполовину сжирает своего хозяина; защитная стена из

трупов защищает от ветра; на другом конце линии спит связист.

И среди всего этого черного густого тумана, из которого невозможно выбраться, от которого невозможно отмыться, появляется Люся – совершенно чистая, в сиреневом облаке – лихорадочное видение, сон.

«Никак она не постигалась и не улавливалась. Даже когда смеялась, в глазах ее оставалась недвижная печаль, и глаза эти так отдельно и жили на ее лице своей строго сосредоточенной и всепонимающей жизнью».

В пасторальном мире нет места настоящей любви, здесь возможна только влюбленность, игра. Но когда пастораль дана на мгновение, а дальше – хлопок и снова мясо, кровь, копать, тогда все приобретает роковое свечение, тогда ночи темнее, минуты – длиннее, шорохи – громче, а Люся – любовь первая и последняя, единственная на белом свете, навсегда. Тем более что Борису 19 лет, и вдруг посреди войны и снега – сбывшийся эротический сон.

«Скотина! Животное! – ругал себя лейтенант, но ругань вовсе отдельно существовала от него. В уме – стыд, смятение, но в тело льется благодатное, сонное успокоение.

– Вот и помогла я фронту».

Вторая часть повести называется «Свидание». На кухне спят пьяные солдаты, на сосне висит по-

Но когда пастораль дана на мгновение, а дальше – хлоп и снова мясо, кровь, копоть, тогда все приобретает роковое свечение, тогда ночи темнее, минуты – длиннее, шорохи – громче, а Люся – любовь первая и последняя, единственная на белом свете, навсегда.

вешенный немец, Борис и Люся лежат в темноте, голые и неловкие, обдумывающие каждое движение, каждый поцелуй, боящиеся спугнуть наваждение. Он рассказывает о сиреневой музыке, которую когда-то слышал, о пастухе и пастушке, которых когда-то видел на сцене, обещает вспомнить, вернуться, спрыгнуть на перрон. Она закуривает, обещает ждать в белом платье.

Оба знают, что ничего не будет, что с рассветом все закончится, что вообще все закончится цветом красным или черным, но а вдруг нет. И всю ночь мучают свою мечту, и ты мучаешь ее вместе с ними. Автор дает надежду и тут же ее отбирает – все это морок, представления, сказки – просыпайся.

«Люся слушала, боясь дохнуть, знала она, что никому и никогда он этого не расскажет, не сможет рассказать, потому что ночь такая уже не повторится».

Сиреневый – предсмертный цвет. Если смешать цвет закатный (розовый) и цвет сумеречный (голубой) – получится сиреневый. Цвет тихого часа, послеполуденного сна, самого тяжелого сна, в который приходят незваные гости, в котором плавают лица и мечтания, после которого долго не можешь прийти в себя. И снится Борису баня, плывущая по крови, и какие-то знакомые глаза, и бабочка садится на руку, и кто-то зовет повариху Люсю, чужую Люсю, не его.

Борис умирает долго. Дурацкая, ни разу не смертельная рана – и заражение крови. Он едет в поезде, на верхней полке, где, смешавшись со стуком колес, превратившись в кашу, сознание его моргает, обрывается, и тешит себя видениями:

«Музыки он уже не слышал – перед ним лишь клубился сиреневый дым, и в загустевшей глущи его плыла, качалась, погружаясь в небытие, женщина со скорбными бездонными глазами богоматери».

Не повторится, не вернется, никого нет, кроме медсестры Арины и сумасшедшего старика внизу. Борис, закрывая глаза.

«Под опустившимися веками еще какое-то время теплилась багровая, широкая заря, возникшая из-под грозовых туч. Свет зари постепенно сузился в щелочку, потом потух, и заря остыла в остеклевших глазницах».

Наступила тьма, тьма какая-то языческая, где тело его оставляют в товарном вагоне, где его ищут волки, где пьяный станционный сторож хоронит его, перепутав ноги с головой, вбив вместо креста кол, где Люся находит его, плачет, прижимается лицом к могиле.

А может, и нет, может, это все сон. Нет никакой могилы, как и миллионов других могил. Спи бестревожно.

